



К. С. Станиславский с А. М. Горьким и В. И. Качаловым на сцене МХАТа после спектакля «Бронепоезд 14-69».



Бернард Шоу и Станиславский.

РЕПЕТИЦИЯ ПО ТЕЛЕФОНУ

Мы работали над спектаклем «Мертвые души». Я готовил роль Ноздрева. Однажды за кулисами на доске объявлений появилось сообщение, что репетиция состоится на квартире Станиславского. В назначенное время я стоял в знаменитой передней, описанной теперь во многих мемуарах, и, волнуясь, ждал. Вскоре ко мне вышла медицинская сестра.

— Как вы себя чувствуете, Борис Николаевич? — спросила она меня.

В это время Константин Сергеевич был нездоров, очень ослабел, и врачи боялись, как бы визитеры не занесли инфекции.

— Вообще-то ничего, — говорю я. — Если только насморк немножко, не очень, правда, но все-таки.

— Одну секундочку, я пойду посоветуюсь с врачом.

К Станиславскому меня не пустили. И я собрался домой, честно говоря, немного обрадовавшись, что мне не предстоит такая экзекуция: я считал себя не очень подготовленным к репетиции.

Спускаюсь по знаменитой также лестнице со скрипящими деревянными ступенями, вдруг сверху окликают меня:

— Борис Николаевич! Борис Николаевич! Вас к телефону.

— Кто меня спрашивает? — недоумеваю.

— Константин Сергеевич. Я мгновенно взлетел по лестнице.

— Константин Сергеевич! — Здравствуйте, голубчик, как ваше здоровье?

— Да насморк у меня, Константин Сергеевич, — говорю я, извиняясь.

— Гм, гм, плохо, очень плохо, надо беречься, нельзя ж пропускать репетицию... А может быть, мы с вами будем репетировать по телефону?

Я понял: деваться некуда, придется репетировать. Знаками прошу гардеробщика помочь снять с меня пальто.

— Голубчик, мы начнем с первой сцены, с прихода Ноздрева к губернатору в гости, первая встреча ваша с Чичиковым.

— Слушаю вас, Константин Сергеевич, сейчас.

— Только вы, ради бога, не спешите, подготовьтесь и тогда, когда будете готовы, начните.

Надо представить себе эту тягостную тишину в телефонной трубке и необходимость мне, Ливанову, превратиться вдруг по телефону в Ноздрева.

Я начал. Проговорил все чичи-

ковские слова. Кончил сцену. В трубке молчание. Спросить же Константина Сергеевича не хватало смелости. Мне казалось, прошел час, прежде чем я услышал:

— Гм, гм... Ну, как вы сами считаете, что у вас получилось, что не получилось? Какие ошибки вы сделали?

— Я, Константин Сергеевич, недостаточно ощущал Чичикова: партнера-то передо мной нет.

— Говорите с мнимым партнером, увидите его и почувствуете. Пусть ваша артистичность вам подскажет действие с конкретным лицом, а не вообще. Я понимаю,

что это очень трудно: обстановка, телефон, — но все-таки. Давайте еще раз все сначала.

Я повернул голову и увидел позади себя в дверях артистов оперного театра, которые тоже были вызваны на репетицию. Все смотрели, затаив дыхание, как идет репетиция по телефону и как я выхожу из положения.

Репетировали мы час. Расставаясь, я подумал, что надо любить искусство именно как Константин Сергеевич, не в себе, а в другом, надо думать о будущем театра и вот так, ежесекундно, себя отдавать ему, боясь упустить даже мгновение!

Б. ЛИВАНОВ,
народный артист СССР



Рисунк автора